

Северный ветер для
Южной розы

Aida Less

Aila Less

Северный ветер для южной розы

«Автор»

2026

Less A.

Северный ветер для южной розы / А. Less — «Автор», 2026

Чтобы обеспечить будущее своего королевства, блестящая и романтическая принцесса Элеанор должна выйти замуж за того, кого презирает больше всех — циничного и прямолинейного принца Каэлена из соседнего королевства. Но когда вынужденная помолвка заставляет их проводить время вместе, они обнаруживают, что за маской вражды скрывается страсть, способная растопить даже самые холодные сердца.

Содержание

Глава 1: Роза и Сталь	5
Глава 2: Цена короны	11
Глава 3: Северный ветер	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Северный ветер для южной розы

Глава 1: Роза и Сталь

В разгар лета королевство Элизиум расцветало огромным садом, где каждый лепесток нёс в себе поэзию и изысканность. Солнечные лучи золотили купола Серебряного Города – столицы, раскинувшейся на холмах у слияния двух прозрачных рек. Белый мрамор дворцов, добытый в Мерцающих Пещерах, сиял так ослепительно, что путешественники с Севера, попадая сюда впервые, щурились и прикрывали глаза ладонями, принимая это сияние за волшебство. Аркады, колоннады, изящные башенки с позолоченными шпилями – всё было подчинено законам красоты, которые изучали в Академии Серебряного Города уже тысячу лет. Вьющиеся розы обвивали балконы и перила лестниц, спускаясь каскадами зелени и цветов до самой земли. Фонтаны пели на сотни голосов, и в каждом плеске воды слышалась музыка, сочиненная великими мастерами прошлого.

В большом зале для полуденных приемов, выдержанном в небесно-голубых и золотых тонах, воздух был тяжёл от жары, но ещё тяжелее – от придворных интриг. Мраморные полы, инкрустированные элизиумским хрусталем, отражали солнечные зайчики, пуская их по лицам присутствующих, и каждый блик мог означать либо улыбку, либо насмешку – смотря как истолковать.

Принцесса Элеанор Виктория де Лунар, кронпринцесса Элизиума, стояла у окна, созерцая это буйство природы с лёгкой улыбкой. Её платье из лёгкого шёлка, сотканного в мастерских Герцогства Розовой Долины, колыхалось от дуновения бриза, залетавшего в открытые створки. Золотистые локоны – эталон красоты аристократии, доставшийся ей от отца, – были уложены в изящную причёску с жемчужными бусинами, добытыми в южных морях и привезёнными купцами Торговой Лиги Лазурного Берега. Она была воплощением своего королевства: утончённая, с острым умом дипломата и душой романтика, скрытой под маской королевского достоинства. От отца она взяла золото волос и яркую голубизну глаз, от матери – изящество линий и тёплую улыбку, способную растопить самое холодное сердце. Но сейчас улыбаться не хотелось.

«Интересно, – подумала Элеанор, разглядывая, как садовник внизу подрезает розовый куст, – чувствует ли он эту свободу? Может, срезать шипы и вдыхать аромат без страха уколоться – это и есть счастье? Он может уйти, когда захочет. Может бросить эту работу и уехать в Розовую Долину или нанять корабль в Лазурном Порту и отплыть в Вольные Земли. А я привязана к этому дворцу крепче, чем эти розы – к шпалерам». – Она поймала себя на этой мысли и тут же одёрнула. Мысли о счастье – роскошь, которую не может позволить себе наследница трона. Её ждала рутинная – бесконечные церемонии, где слова значили больше, чем дела. Где каждый вздох взвешивался на весах этикета, а каждое движение оценивалось десятками глаз.

В зале уже собирались гости для полуденного приёма. Король Аларик, отец Элеанор, сидел во главе стола. Его седеющие волосы и добрая улыбка излучали мудрость, накопленную годами правления. Рядом с ним восседала королева Изабелла, мать Элеанор. Классическая южная красавица с каштановыми вьющимися волосами, падающими на обнажённые плечи, и тёплыми зелёными глазами, в которых светился ум и проникательность. Она оставалась главной советчицей дочери, особенно в сердечных делах, хотя сегодня её роль ограничивалась наблюдением.

Леди Софи – ближайшая подруга и фрейлина Элеанор, порхала по залу, то исчезая в толпе гостей, то появляясь у окна. Дочь небогатого, но древнего рода из Герцогства Розовой Долины, она была принята ко двору благодаря не столько происхождению, сколько редкому

дару – умению быть всегда к месту и не надоедать. Её платье персикового цвета шелестело при каждом движении, каштановые волосы были уложены в замысловатую, но не вычурную причёску, а карие глаза сияли неподдельным интересом ко всему происходящему.

Лорд-канцлер Годфри, пожилой и комичный в своей вечной суете, метался по залу со свитками в руках. Невзрачный на первый взгляд, с тонкими русыми волосами, зачёсанными на лысину, и серо-голубыми глазами за стёклами очков, он постоянно сутулился над бумагами, словно пытался спрятаться от реальности. Выпускник Академии Серебряного Города, лучший администратор трёх королей, он знал о придворных интригах больше, чем кто-либо, но предпочитал делать вид, что ничего не замечает.

– Ваше величество, места должны быть распределены идеально, иначе... о, боги, иначе хаос! – бормотал он, вытирая вспотевший лоб платком с вышитыми инициалами.

«Почему я вообще согласился на эту должность? – в который раз задавался вопросом Годфри. – Я мог бы тихо жить в своём поместье, выращивать розы и писать мемуары о славных днях Академии. Но нет, я должен следить за тем, кто на ком женится, кто кому улыбнулся, а кто кому наступил на шлейф Это безумие чистой воды!».

Но хаос уже назревал. Две придворные дамы – леди Маргарет с надменным видом и леди Элизабет с глазами, полными ревности, – спорили у стола из-за места.

– Это моё место по праву старшинства! – воскликнула леди Маргарет, вздёрнув подбородок так высоко, что её жемчужное кольцо натянулось на шее.

«Как она смеет? – кипела внутри леди Маргарет. – Я старше её на целых пять лет! Мой муж участвовал в трёх кампаниях, а её – всего лишь коллекционирует античные вазы. Мой род восходит к основателям Герцогства Розовой Долины, а её – всего лишь к купцам, купившим титул три поколения назад. И она ещё смеет оспаривать моё право сидеть ближе к королеве? Возмутительно!».

– Нет, миледи, – парировала леди Элизабет, и её голос дрожал от едва сдерживаемого негодования. – По этикету оно предназначено для тех, кто ближе к королеве по духу, а не по годам! Моя благотворительность в Розовой Долине известна всему королевству, мои салоны посещают лучшие поэты современности, а моя переписка с философами из Академии...

«Старая карга, – думала леди Элизабет, сжимая веер. – Думает, что годы дают ей право на всё. Но я моложе, красивее, и мой ум острее. Королева должна видеть рядом с собой свежесть, а не увядание. Почему этикет на стороне возраста, а не достоинств?».

Их спор грозил перерасти в скандал. Он уже привлекал взгляды слуг, садовников, заглядывавших в зал через открытые окна, и даже герцога Джулиана д'Анже. Молодой аристократ из древнего, но обедневшего рода, чьи земли располагались на границе с Розовой Долиной, Джулиан отличался изящными манерами и тонким вкусом. Светлые, чуть выющиеся волосы, голубые глаза, правильные черты лица – он был воплощением идеала красоты. Его восхищённые взгляды в сторону Элеанор были известны всему двору, и многие шептались, что герцог метит выше своего титула. *«Элеанор, – подумал Джулиан, поправляя кружевной воротник. – Если бы она только взглянула на меня... Я бы посвятил ей тысячи сонетов. Я бы осыпал её розами с утра до вечера. Но она даже не замечает меня. Смотрит сквозь, словно я – часть дворцовой мебели. Что мне сделать, чтобы она увидела во мне не просто герцога, а мужчину?».*

Элеанор вздохнула про себя. Лёгкая усталость от этих церемоний нарастала. *«Сколько пустых слов тратится зря, – подумала она, наблюдая за перепалкой дам. – Они готовы разорвать друг друга из-за места за столом. Места! Которое через час будет пустовать, потому что все уйдут в сад. И ради этого они готовы забыть о достоинстве, о воспитании, о здравом смысле. Прекрасно. Просто прекрасно».*

Придворные речи редко шли от сердца, и она относилась к ним скептически. Но уверенность в своём уме подтолкнула её вперёд. Шаги её были бесшумны на толстом ковре, усыпанном свежими лепестками роз, что мягко пружинили под подошвами.

– Дорогие леди, – произнесла она мягко, но с твёрдостью, от которой спор мгновенно затих. – Как отрадно видеть, что вы обе так дорожите близостью к королеве.

Она перевела взгляд на леди Маргарет, задержав его ровно настолько, чтобы та почувствовала себя замеченной, но не больше.

– Леди Маргарет, ваша преданность старшинству – опора нашего двора.

«Опора двора, — мысленно усмехнулась Элеанор. — Звучит величественно, но на самом деле означает лишь то, что ты здесь дольше всех и никому не даёшь прохода. Но ей это понравится».

Затем повернулась к леди Элизабет, чуть склонив голову, чтобы солнечный луч упал на её лицо – она знала, что этот приём смягчает даже самые каменные сердца.

– А вы, леди Элизабет, ваша забота об этикете – нежный цветок, расцветающий в лучах солнца. Ваши салоны славятся далеко за пределами Серебряного Города, и философы из Академии только и ждут приглашений.

«Нежный цветок, – повторила про себя принцесса. – С шипами размером с кинжал. Но кто об этом узнает?».

Элеанор чуть улыбнулась, позволяя голосу стать теплее, почти интимным, словно она делилась с каждой из них секретом.

– Позвольте предложить. Леди Маргарет, займите место слева от королевы: ваш опыт осветит разговоры. Леди Элизабет – справа: ваша свежесть добавит им яркости. Так вы обе окажетесь в равной чести.

«И обе будете довольны, – завершила мысль Элеанор. – А я избавлюсь от головной боли. Иногда быть принцессой – значит просто уметь вовремя сказать то, что они хотят услышать».

Дамы переглянулись. Гнев в их глазах угас полностью, уступив место искренним улыбкам. Леди Маргарет расправила плечи – её надменность сменилась уважением.

– Как мудро, принцесса! – воскликнула она. Леди грациозно склонила голову: рубины на ожерелье вспыхнули ярким огнём в солнечном луче, отразившемся от полированного стола.

«Мудро, – эхом отозвалось в голове леди Маргарет. – Да, она права. Слева от королевы – почётное место. И этот комплимент про опыт... Она действительно понимает ценность возраста. А эта выскочка пусть сидит справа, с её „свежестью“. Посмотрим, как долго эта свежесть продержится рядом с королевой». Она грациозно склонила голову: рубины на ожерелье вспыхнули ярким огнём в солнечном луче, отразившемся от полированного стола.

Леди Элизабет шагнула вперёд. Щёки её порозовели, глаза заблестели.

– Ваша дипломатия – истинная поэзия, ваше высочество, – произнесла она, и её голос дрожал от искреннего восхищения. Пальцы невольно коснулись нитки жемчуга на запястье, перебирая бусины одну за другой. – Вы превратили спор в гармонию одним словом.

«Справа от королевы! — ликовала внутри леди Элизабет. — Ближе к сердцу! И эта „свежесть“... Принцесса заметила. Она действительно заметила, что я моложе и красивее. Пусть старуха теперь давится своей „опорой двора“. Сегодня победа за мной!».

Придворные зааплодировали. Звук хлопков прокатился по залу мягкой волной. Тихий гул одобрения усилился – несколько голосов слились в шёпот:

– Поэзия власти...

– Истинный дар кронпринцессы...

– Элизиум гордится ею.

Король Аларик кивнул. Его тёплые и мудрые глаза задержались на дочери дольше обычного. В них мелькнуло нечто отеческое, почти нежное, что редко прорывалось сквозь маску монарха. *«Моя девочка, – думал король, и сердце его наполнялось гордостью. – Ты даже не представляешь, как я восхищаюсь тобой. В твоём возрасте я только учился разбираться в*

людях, а ты уже читаешь их как открытые книги. Ты будешь великой королевой. Лучшие, чем я. Лучшие, чем кто-либо из нашего рода».

Королева Изабелла приподняла уголки губ в улыбке – тонкой, едва уловимой, но полной глубокой, затаённой гордости за дочь. Её руки, покрытые кольцами с крупными сапфирами и изумрудами, лежали на подлокотниках трона. Пальцы правой руки – длинные, ухоженные – легко, почти игриво постучали по резной древесине в ритме тихого одобрения. Леди Софи скользила по паркету на цыпочках, шурша лёгкой юбкой из муарового шёлка. Подлетев к Элеанор, она наклонилась так близко, что прядь её каштановых волос коснулась плеча принцессы. Глаза Софи блестели озорством, а губы дрожали от сдерживаемой улыбки.

– Опять ты спасла день, Элла, – прошептала она. Тёплое дыхание скользнуло по мочке уха принцессы, оставив лёгкий след мурашек. – Без тебя этот двор давно превратился бы в сплошной терновник. А я бы утонула в нём по самые уши, честное слово!

Она отстранилась ровно на шаг, подмигнула правым глазом и добавила ещё тише, почти беззвучно:

– И не смей говорить, что это твоя обязанность. Это талант. Чистый, настоящий талант.

Даже лорд Годфри, обычно собранный и чопорный, сейчас выглядел растрёпанным. Он вытирал вспотевший лоб кружевным платком с вышитыми золотом инициалами.

– Блестяще, принцесса! – воскликнул он, и в его голосе дрожало неподдельное облегчение. – Протокол спасён! Ещё немного – и я бы сам полез в окно к садовникам, клянусь всеми святыми!

«Спасён, – выдохнул про себя Годфри. – Ещё один скандал предотвращён. Если бы эти две курицы продолжили грызню, королева бы меня съела. А король бы смотрел на меня с этим его разочарованным взглядом – а это хуже любой взбучки. Спасибо тебе, принцесса. Ты даже не представляешь, сколько седых волос ты мне сегодня сохранила». Он нервно рассмеялся, складывая пергаменты в стопку. Один лист, непослушный, выскользнул из дрожащих пальцев и плавно упал на пол. Юный паж в зелёной ливрее тут же метнулся вперёд, подхватил документ и с поклоном вернул его канцлеру.

Далеко на севере, за туманными перевалами Дымящихся Гор и ледяными реками, раскинулся суровый Вальгрим. Королевство, где даже лето приносило лишь короткую передышку от морозов, а слово "честь" значило больше, чем жизнь. Путь от южных границ до столицы занимал у гонцов двенадцать дней, если повезёт с погодой и если клан Белого Медведя не кочевал слишком близко к тракту – с ними лучше было не встречаться без необходимости. Двенадцать дней через перевалы, где ветер сбивал с ног и сбрасывал в пропасти целые обозы; через леса, полные волков и пещерных медведей; через замерзшие топи, которые только коротким летом превращались в цветущие, но всё равно опасные луга. Двенадцать дней, за которые человек либо становился мужчиной, либо погибал, и о нём слагали сагу, чтобы другие учились на его ошибках.

В главном зале, высеченном из тёмного гранита столетия назад руками первых королей, пылал огромный очаг, сложенный из массивных камней, почерневших от копоти и времени. Пламя в нём неукротимо ревели, отбрасывая длинные, танцующие тени на стены, увешанные трофейными щитами с вмятинами от битв и рогами оленей, добытых в глубоких лесах. Каждый щит хранил свою историю. Вот этот, с выщербленным краем и глубокой бороздой от топора, принадлежал деду нынешнего короля – он пал в битве при Ледяном ущелье. А этот, почти целый, но с тёмным пятном в центре, был снят с поверженного врага – предводителя южан, осмелившегося сунуться на север триста лет назад. Его череп до сих пор хранился в подвалах замка – как напоминание о том, что бывает с теми, кто приходит на север без приглашения.

Воздух здесь был густым, пропитанным запахами смолы от горящих сосновых поленьев, свежей кожи от седельных ремней, висевших у входа, и раскалённого железа – кузнецы из клана Горных Орлов часто приносили свою работу прямо в зал, чтобы обсудить детали заказов

с королём. В углах на медвежьих шкурах дремали огромные лохматые псы – помесь волков и северных гончих, выведенная кланом Белого Медведя специально для охоты на крупного зверя. Эти псы могли загрызть человека, если он входил без разрешения хозяина, но сейчас они лишь изредка открывали жёлтые глаза и снова проваливались в сон.

Король Тормунд восседал на троне, вырезанном из чёрного дуба, который когда-то рос в заповедных рощах и теперь служил символом незыблемой власти. Легенда гласила, что этот дуб посадил сам Первый Король, и что древесина его впитала кровь всех правителей Вальгрима, передавая трону их мудрость и силу. Сам король был под стать трону – высокий, могучий, как медведь, которого клан Белого Медведя считал своим тотемным зверем. Тёмно-русые волосы с редкими седыми прядями падали на широкие плечи, густая борода спускалась до пояса, скрывая шрамы на груди – память о битвах с кланом Морского Змея, когда те взбунтовались и попытались отделиться.

– Юг слишком изнежен! – прогремел он. Он ударил по подлокотнику кулаком с такой силой, что кубок с пенящимся элем подпрыгнул на столе, расплескав несколько капель на резную поверхность. – Шёлк вместо доспехов, духи вместо запаха крови, бесконечные поклоны вместо честного удара меча... Наши клинки заржавеют от одной мысли о таком союзе, а воины забудут, как держать щит!

«Но что я могу сделать?» – продолжил он мысль, и гнев в его душе смешался с горечью. – *Мои люди голодают. А у них там – круглый год фрукты и тёплое море».* Он нахмурился, брови сошлись на переносице, но в глубине холодных, серых глаз мелькнуло что-то тёплое и скрытое – доброе сердце, которое он прятал под бронёй суровости, чтобы не показывать слабости перед подданными.

Сир Гаррик, верный рыцарь, стоял у трона неподвижно, опираясь на рукоять меча. Его доспехи, потемневшие от времени и полировки, поскрипывали при каждом движении, когда он вдыхал воздух зала.

Он медленно кивнул, не отводя взгляда от короля, и ответил твёрдым, честным голосом, в котором не было ни капли лести:

– Да, вы правы в своей ярости. Но союз нужен нам больше, чем когда-либо. Элизиум богат золотом и хлебом, их поля дают урожай даже в засуху, а их флот защитит наши берега от набегов с моря, где, наши драккары не всегда справляются с южными ветрами.

Мастер Орик, старый советник с орлиным носом и седыми висками, которые серебрились в свете очага, скрестил руки на груди, не торопясь с ответом. Его плащ из волчьего меха, слегка колыхнулся, когда он шагнул вперёд по каменному полу, усыпанному свежей соломой для тепла. *«Я учил этого мальчика с пяти лет, – подумал Орик, и сердце его наполнилось сложным чувством – смесью гордости и тревоги. — Я учил его владеть мечом, держать удар, не бояться боли. Я учил его быть мужчиной. Но я не учил его быть мужем. Не учил любить. Не учил проигрывать в малом, чтобы выиграть в большом. Справится ли он? Достаточно ли я вложил в него? Или моя суровость только навредила, сделав его слишком жёстким для этого хрупкого южного мира?»*

Голос его прозвучал твёрдо, с ноткой скепсиса, но полной уверенности в наследнике:

– Принц Каэлен справится с любыми испытаниями, – произнёс он, и в словах его чувствовалась гордость за молодого воина. – Он – воплощение нашей чести, кровь Вальгрима течёт в его жилах чистая и горячая. Южные интриги, полные шёпота и улыбок, ему не помеха.

Тормунд медленно откинулся на спинку трона, чувствуя, как дерево скрипит под его весом. Пламя очага отразилось в его глазах яркими бликами. Он долго молчал, глядя в огонь, где поленья лопались с треском, выпуская искры. Мысли о сыне, о грядущем браке, о хрупком мире между севером и югом кружились в его голове тяжёлым вихрем, полным сомнений и надежд, которые он не спешил высказывать вслух.

Но пока эти тени грядущего, полные неизвестности и опасностей, не коснулись Элеанор ни единым намёком. Она стояла у высокого арочного окна в Элизиуме, вдыхая тёплый воздух. Летнее солнце ласково касалось её лица золотыми лучами, проникая сквозь листву вьющихся растений. Момент покоя, редкий и драгоценный в вихре придворной жизни, принадлежал ей одной полностью, без остатка.

Глава 2: Цена короны

Элеанор шла по длинной галерее, устланной коврами с вытканными сценами из древних легенд Элизиума, – рыцарями в латах из лепестков и дамами с лирами в руках. Каждый шаг её лёгких туфель отдавался тихим эхом в тишине, нарушаемой лишь шелестом платья, перебивавшимися в свете факелов, зажжённых слугами в ожидании сумерек.

Леди Софи шла рядом, но даже её обычная болтовня сегодня звучала приглушённо – она чувствовала настроение принцессы, предвещавшее бурю.

– Твой отец ждёт в малой приёмной, Элла, – прошептала Софи, поправляя прядь своих волос, выбившуюся из причёски. – И, кажется, настроен серьёзно.

Элеанор лишь кивнула. Её губы тронула слабая улыбка, но в глазах уже мелькнула тревога, смешанная с предчувствием.

Малая приёмная утопала в мягком полумраке, который рассеивали лишь несколько канделябров и последние лучи заходящего солнца, проникавшие сквозь витражи с изображением алых роз. Тёплый воздух нёс запах старого пергамента – неизменный спутник короля Аларика. Король жестом пригласил Элеанор сесть напротив.

Его голос, мягкий, но с твёрдой ноткой, разрезал тишину:

– Дитя моё, садись. Нам нужно поговорить о будущем – о том, что ждёт Элизиум после меня.

Элеанор опустилась в кресло. Пальцы её невольно сжали подлокотники, обитые бархатом цвета спелой вишни. *«Отец всегда умел говорить мягко, но его слова – шёлковые нити, которые со временем превращаются в цепи»*, – подумала она, стараясь сохранить спокойствие на лице.

– Ваше величество... – начала она тихо.

Но Аларик не давая ей продолжить, поднял руку, останавливая формальности.

– Здесь мы не король и принцесса. Я твой отец, – сказал он уже мягче. Он наклонился чуть ближе, опершись локтем о колено. – Ты знаешь, что я не вечен. Трон нуждается в наследнике. Не только в тебе – ты блестяща, дочь моя, – но и в муже, который встанет рядом. Союз с сильным домом укрепит наши границы. Особенно с севером... с Вальгримом.

Элеанор почувствовала, как её сердце сжалось в груди от внезапной тревоги, смешанной с той романтической надеждой, которая всё ещё теплилась в самых глубоких уголках души. Она знала о Вальгриме достаточно из отчётов Торговой Лиги и рассказов купцов, бывавших в Вороньей Крепости – о суровом крае воинов, разделённом на вечно враждующие кланы, где честь ценилась выше любых слов, а поэзия считалась пустой тратой времени, достойной лишь слабаков. О клане Горных Орлов, лучших кузнецах, о клане Морского Змея, пиратах и мореходах, о клане Белого Медведя, кочевниках, не признающих власти городов. И о принце Каэлене, наследнике Стального Трона, о котором ходили противоречивые слухи – одни называли его безжалостным воином, другие – молчаливым и замкнутым юношей, не похожим на своих суровых соотечественников.

Король Аларик откинулся в кресле чуть глубже, его пальцы переплелись на колене, и он продолжил говорить голосом ещё мягким, чем прежде, но с тем неумолимым давлением, которое Элеанор узнавала с детства:

– Я не заставляю тебя принимать решение сегодня, дочь моя, – произнёс он тихо, глядя прямо в её глаза, где отражались блики канделябров. – Но подумай. Без крепкого союза мы уязвимы. Ты – будущее Элизиума, твоё счастье важно для меня больше, чем ты думаешь, но... долг превыше всего, и ты это знаешь не хуже моего.

Элеанор медленно кивнула, её губы дрогнули в слабой улыбке, предназначенной лишь для отца, но внутри неё бушевала настоящая буря. Тревога сжимала сердце, давление короны

давило на виски, и всё же в глубине души теплилась искра надежды – что настоящая любовь возможна даже в этой золотой клетке, где каждый шаг измеряется интересами королевства, а не желаниями души.

Элеанор подняла взгляд, встречаясь с глазами Аларика – тёплыми, но усталыми, – и спросила тихо, но твёрдо, с ноткой отчаяния в голосе:

– Но если я не хочу этого? Я справлюсь и без мужа, отец! Я сильна, я готова править одна!

Аларик глубоко вздохнул. Он провёл широкой ладонью по седеющим волосам, словно отгоняя усталость, накопленную за день.

– Справишься... – повторил он медленно, растягивая слова. – Ты справишься, Элла. Ты всегда справлялась. Но корона – это не только твоя ноша, дочь моя. Это тысячи жизней, которые зависят от твоих решений, от твоей мудрости, от твоего выбора. От нашего союза с Вальгримом – мир на десятилетия, спокойствие на границах, хлеб в амбарах. Отказаться – значит рисковать войной, голодом, кровью на полях. Ты хочешь этого для своего народа? Для Элизума?

Элеанор сжала кулаки. Её ногти впились в ладони с такой силой, что оставили красные полумесяцы, но голос её остался ровным, почти холодным, скрывая бурю внутри:

– Я хочу, чтобы моё сердце не стало разменной монетой в этой игре, – ответила она, глядя прямо в глаза отцу. – Я хочу, чтобы Элизум процветал не за счёт моей свободы, не за счёт моей души.

Аларик наклонился вперёд. Его глаза потемнели, в них мелькнула сталь, скрытая под бархатом отцовской нежности. В голосе появилась твёрдость, которую он редко показывал дома:

– Свобода – роскошь, которую не может позволить себе ни один правитель, Элла, – произнёс он тихо, но веско. – Я отдал свою, когда женился на твоей матери по воле наших отцов. Она отдала свою, встав рядом со мной. И мы не жалеем. Потому что любовь... настоящая любовь... может родиться и в расчёте.

Элеанор молчала. Её грудь поднималась чуть чаще обычного. Наконец она кивнула – медленно, с достоинством, но без улыбки.

– Я подумаю, – произнесла она тихо. Голос её был ровным, но в нём звучала сталь, унаследованная от отца.

Разговор завершился этим обещанием, произнесённым Элеанор с достоинством, которое не дрогнуло ни на миг. Она поднялась из кресла, склонила голову в прощальном поклоне и вышла в коридор. Леди Софи ждала её у массивной двери малой приёмной, небрежно прислонившись плечом к мраморной колонне. Ветер из приоткрытого окна растрепал её волосы, и несколько прядей падали на лицо, подсвеченное мерцающим светом факелов. Она вскинула брови в немом вопросе, глаза её искрились любопытством, но Элеанор лишь покачала головой – медленно, с усталой решимостью, не сбавляя шага.

– Не сейчас, Софи, – прошептала принцесса. – Потом.

Софи не отстала и шагнула следом за ней.

– Подожди же, Элла. Что он сказал такого?

Элеанор не ответила. Она лишь ускорила шаг, платье её тихо шелестело по полу, а взгляд устремился вперёд – к своим покоям, где за тяжёлыми резными дверями ждали долгожданная тишина и возможность наконец-то остаться наедине с мыслями, которые кружились в голове тяжёлым, неумолимым вихрем.

Ночь опустилась на дворец мягким покрывалом, усыпанным мириадами звёзд, мерцавших над тёмными куполами и башнями Серебряного Города. Летний воздух, пропитанный тонким ароматом ночных фиалок и свежестью фонтанов, проникал в открытые окна покоев Элеанор, колыхая лёгкие занавеси из белого муслина, сотканного в мастерских Розовой Долины. Где-то в саду пел соловей, и его голос вплетался в тишину ночи, создавая ту самую романтическую атмосферу, о которой писали поэты Академии.

Она сидела у изящного туалетного столика из розового дерева – подарок матери на совершеннолетие, – медленно расчёсывая свои золотистые локоны щёткой с серебряной ручкой. Зеркало отражало её задумчивое лицо – бледное в свете одинокой свечи, голубые глаза теперь казались темнее, полные теней и вопросов. На столике, среди баночек с румянами и флакончиков с духами из Лазурного Берега, лежал листок бумаги, исписанный её собственным изящным почерком – стихи, которые она писала тайком от всех, даже от Софи. О любви, о свободе, о принце, который придёт и полюбит её не за титул, а за душу. Сейчас эти строки казались ей жестокой насмешкой.

Дверь тихо скрипнула. Королева Изабелла вошла без стука – привилегия матери, которую никто не смел оспаривать. Её платье из тёмно-синего шёлка мягко шуршало по толстому ковру. Королева сразу уловили смятение дочери – в сгорбленных плечах, в дрожащих пальцах, в взгляде, устремлённом куда-то сквозь зеркало. Она опустила рядом на мягкую кушетку, и взяла руку Элеанор в свою – тёплую, сильную, с лёгким ароматом лаванды, которую собирали в её личных садах.

– Расскажи мне, милая, – произнесла Изабелла тихо. – Твой отец снова говорил о браке?

Элеанор вздохнула. Её пальцы невольно сжали руку матери с новой силой, и слова полились потоком после долгих часов сдержанности, накопленной за день, наполненный разговорами.

– Да, мама... Он сказал, что я должна принять это... что мы все должны пойти на уступки... ради Элизиума, ради мира на границах, ради будущего, – начала она. Голос её дрожал от эмоций, которые наконец нашли выход. – Но я не хочу становиться пешкой на огромной доске, где каждый ход диктует не сердце, а политика!

Изабелла нежно погладила её по волосам, не перебивая ни словом. Её пальцы медленно скользили по золотистым прядям, передавая тепло и поддержку.

– Продолжай, милая, – прошептала королева мягко. – Выскажи всё, что накопилось.

Элеанор подняла глаза, в которых заблестели слёзы, готовые вот-вот скатиться по щекам, но голос её стал твёрже, набирая уверенность с каждым словом.

– Я хочу настоящей любви, той, о которой поют менестрели, – любви, полной страсти и свободы, – произнесла она, и в словах этих слышалась мечта, скрытая годами.

Изабелла молча слушала, не отрывая взгляда от лица дочери. Её рука продолжала гладить волосы с неизменной нежностью, но в глазах мелькнула тень далёких, горьких и сладких воспоминаний, полных собственной истории.

– Любовь – редкий цветок, Элла, – ответила она наконец. – Она не всегда растёт там, где мы её сажаем изначально. Иногда появляется в тени долга, иногда раскрывается в тишине ночей, когда маски падают окончательно.

Она сжала руку дочери чуть сильнее, передавая через прикосновение силу и понимание.

– Твой отец любит тебя, – продолжила Изабелла твёрдо, подчёркивая каждое слово. – Его давление возникает не из жестокости, а из заботы. Он видит войны, которых ты никогда не видела своими глазами. Голод, которого ты не знала в наших стенах. Он хочет защитить тебя от всего этого... и нас всех, весь Элизиум.

Элеанор повернулась к окну, где звёзды мерцали на тёмном небосводе, отражаясь в стекле.

– А если я, никогда не смогу полюбить его? – спросила она. Её голос дрогнул от сомнений, эхом отдаваясь в тишине покоев.

Изабелла некоторое время молчала, позволяя словам повиснуть в воздухе. Затем встала, подошла ближе к окну, глядя в ночь, полную звёзд и тайн.

– Тогда ты скажешь «нет», – ответила она просто, поворачиваясь к дочери. – Я не прошу жертвовать собой, милая, – добавила королева. – Я прошу лишь не закрывать дверь, пока не узнаешь, что скрывается за ней на самом деле.

В это же самое время, в своих покоях, освещённых лишь тусклым светом одинокой лампы на массивном дубовом столе, лорд-канцлер Годфри перебирал толстые списки гостей. Он бормотал себе под нос о строгом протоколе, который предстояло соблюсти во время грядущих переговоров с северными посланниками.

– Места за столом, порядок тостов, даже цвет лент на кубках... всё должно быть идеально, – пробормотал он, вытирая вспотевший лоб кружевным платком. Глаза его бегали по строкам с лихорадочной тщательностью. – Если я хоть что-то упущу, эти северные варвары обидятся и уедут, а король меня казнит. Или хуже – отправит послом к клану Белого Медведя. А они, говорят, гостей на обед съедают!

Он представил себя в котле над костром кочевников и так сильно содрогнулся, что чернильница опрокинулась, залив свежий список фиолетовой лужей.

– Проклятье! – воскликнул Годфри, хватаясь за голову. – Теперь придётся всё переписывать!

«Почему я не стал садовником? – в отчаянии подумал он. – Сидел бы себе, подрезал розы, любовался на бабочек... А вместо этого я должен думать о том, какой стороной повернуть кубок, чтобы северяне не сочли это оскорблением. Говорят, у них вообще нет кубков – они пьют из рогов! Из рогов, надо же! Как древние варвары! Как я буду сочетать рога с нашим хрусталём?!».

В саду Элизиума, под звёздным небом, герцог Джулиан д'Анже прогуливался по мраморным дорожкам, усыпанным лепестками ночных цветов. Его изящные манеры контрастировали с мыслями, полными мечтаний о принцессе Элеанор – её золотых локонах, её уме, её улыбке, которую он ловил украдкой во время приёмов. На нём был камзол тёмно-синего бархата, расшитый серебряными нитями – наряд, в котором он собирался появиться завтра на утренней прогулке, надеясь случайно встретить принцессу. Чуть выющиеся волосы были тщательно уложены, от него пахло духами, заказанными специально у парфюмеров Лазурного Берега – аромат роз и сандала.

– Если бы только... – прошептал он себе под нос, останавливаясь у фонтана, где тихо плескалась вода. В лунном свете мраморная скульптура – девушка с кувшином, из которого лилась вода, – казалась почти живой. – Если бы она полюбила меня, так же, как люблю её я.

Он опустился на скамью, и уставился на луну, размышляя о своём положении. *«Я знаю, что я не самый богатый жених при дворе. Мои земли не приносят такого дохода, как владения старых родов. Но я молод, я красив, я образован. Я пишу стихи, которые даже в Академии хвалят. Я могу говорить с ней часами о поэзии, о музыке, о философии».*

Он достал из-за пазухи сложенный лист бумаги – новые стихи, посвящённые принцессе, которые он надеялся передать ей через леди Софи. Перечитав их в лунном свете, он удовлетворённо кивнул и уже собрался спрятать обратно, как вдруг его взгляд упал на окна восточного крыла дворца. Там, на третьем этаже, горел свет. Это были покои принцессы – он знал это точно. *«Она не спит, – подумал Джулиан, и сердце его забило быстрее. – Она тоже не спит этой ночью. Может быть... может быть, она тоже думает о чём-то важном? Может быть, она тоже мечтает?»*

И тут в голову ему пришла безумная мысль. Мысль, которая никогда не посетила бы его в здравом уме и при свете дня, но ночью, под луной, под пение соловья, всё казалось возможным. Он наклонился, подобрал с дорожки небольшой гладкий камешек – белый мраморный осколок, отколовшийся от какой-то старой статуи, – взвесил его на ладони и, не давая себе времени передумать, размахнулся и бросил в окно принцессы. Камешек ударился о стекло с тихим звоном, отскочил и упал в кусты.

Занавеска на окне колыхнулась. Створка приоткрылась, и в проёме показалась тонкая фигура в белом. Элеанор выглянула в сад, вглядываясь в темноту. На ней была лёгкая ночная сорочка, прикрытая накидкой, которую она набросила второпях.

– Кто здесь? – спросила она негромко, но в тишине ночи голос прозвучал отчётливо.

Джулиан шагнул в полосу лунного света, чтобы она могла его видеть. Он снял шляпу и низко поклонился, прижав руку к сердцу.

– Это я, ваше высочество, – произнёс он, стараясь, чтобы голос не дрожал. – Герцог Джулиан д'Анже. Простите мою дерзость, клянусь, я не хотел вас напугать.

Элеанор всмотрелась в его фигуру и узнала. Удивление на её лице сменилось любопытством, смешанным с лёгким неодобрением.

– Герцог Джулиан? – переспросила она, чуть склонив голову. – Вы в своём уме? Если стража вас заметит...

– Стража спит, ваше высочество, – улыбнулся Джулиан, чувствуя, как страх отпускает и приходит азарт. – А я... я не мог иначе. Я увидел свет в вашем окне и понял, что вы тоже не спите. И мне показалось, что сама судьба дает мне шанс.

Элеанор подняла бровь. В её глазах мелькнула насмешка, но не злая – скорее заинтересованная.

– Шанс на что, герцог? – спросила она.

– На разговор, – ответил Джулиан просто. – Всего лишь на разговор. При дворе нас всегда разделяют этикет, толпа придворных, обязанности. А здесь, сейчас... только вы, я, луна и звёзды. Позвольте ли вы мне сказать то, что я ношу в сердце?

Элеанор помедлила. Она должна была захлопнуть окно, позвать стражу, сделать выговор – всё, что полагалось принцессе в такой ситуации. Но ночь была слишком красива, а её душа слишком измучена дневными разговорами об отцовском долге и северном браке. Ей вдруг отчаянно захотелось чего-то настоящего. Чего-то, что принадлежало бы только ей.

– Говорите, – разрешила она тихо. – Но предупреждаю: если это будет скучно, я уйду.

Джулиан улыбнулся – той открытой, мальчишеской улыбкой, которая так не вязалась с его изысканными манерами.

– Обещаю, скучно не будет, ваше высочество. Я принес вам свои стихи, которые писал ночами, думая о вас.

Элеанор почувствовала, как щеки её теплеют. Стихи! Ей никто никогда не писал стихов. Конечно, придворные поэты посвящали ей оды, но это была обязанность, работа. А тут – человек, который сам, по своей воле...

– Читайте, – проговорила она.

Джулиан достал листок, развернул его и начал читать. Его голос звучал негромко, но в ночной тишине каждое слово долетало до её окна отчётливо и ясно:

*«Когда луна касается воды,
И соловей поёт в тени ветвей,
Я вижу образ дивной красоты,
Что светит мне из глубины ночей.
Я не прошу взаимности, поверь,
И не надеюсь на ответный взгляд,
Я просто сторож у глухих дверей,
Что стережёт небесный твой наряд.
Но если вдруг в тоске ночной одна
Ты спросишь звёзды: "Кто же любит так,
Чтоб не просить, не требовать, не ждать,
А просто быть, как этот лунный знак?" —
Я прокричу: "Смотри, я здесь, я жив,
Я твой навек, хоть ты и не моя,
Я этот стих, как лепесток, сложив,
Кладу к ногам, надежду затая"».*

Джулиан закончил и замер, боясь поднять глаза. В окне было тихо. Элеанор стояла неподвижно, и лунный свет освещал её лицо, на котором застыло странное выражение – смесь удивления, радости и какой-то глубокой, давней тоски.

– Это прекрасно, герцог, – сказала она наконец, и голос её дрогнул. – Я... я тронута.

Джулиан поднял глаза, и в них светилась такая надежда, что у Элеанор защемило сердце.

– Ваше высочество... Элеанор... могу ли я надеяться? – прошептал он.

Элеанор помедлила. Что-то подсказывало ей, что сейчас она стоит на краю пропасти – и если сделает шаг, всё может измениться. Но голос матери звучал в ушах: *«Не закрывай дверь, пока не узнаешь, что за ней»*.

– У меня тоже есть стихи, – вдруг сказала она.

Джулиан замер, боясь дышать.

– Позвольте ли вы... прочесть их? – спросил он едва слышно.

Элеанор кивнула, хотя в темноте он вряд ли мог разглядеть этот жест. Она отступила от окна, взяла со столика листок, который ещё не успела сжечь, и вернулась к подоконнику. Помедлив мгновение, она начала читать – тихо, чуть смущаясь, но с той внутренней силой, которая делала её голос особенным:

*«Роза, что цветет лишь для того,
Кто сам пришел, не ждал и не просил,
Кто душу взял, не взявши ничего,
И навсегда с собой объединил.
Где ты, мой рыцарь, что придет без зова,
Увидит душу сквозь парчу и шёлк,
Скажет: "Ты – та, кого искал я снова,
И никого я больше не нашёл"?
Я жду тебя, хоть это и безумно,
Я верю, что средь масок и оков
Найдется тот, кто скажет: "Ты – не шумно,
Ты – тишина. Ты – музыка без слов"»*.

Когда она замолкла, в саду повисла такая тишина, что было слышно, как падают лепестки с роз. Джулиан стоял не двигаясь, и на глазах его блеснули слезы.

– Ваше высочество... – прошептал он наконец. – Я даже представить не мог, что вы... что внутри вас... – Он запнулся, подбирая слова, и вдруг выпалил: – Это гениально! Это лучше всего, что я когда-либо слышал!

Элеанор улыбнулась – впервые за весь этот долгий, тяжёлый день.

– А теперь уходите, – сказала она мягко.

– Я уйду, – с готовностью ответил он, но в его голосе послышалась мольба. – Но позвольте мне прийти снова завтра?

– Приходите, – тихо ответила она.

Он низко поклонился, и бесшумно растворился в темноте сада. Элеанор ещё долго стояла у окна, глядя на луну и вдыхая аромат ночных цветов. В груди у неё теплилось что-то новое, незнакомое – надежда? Предчувствие? А может быть, просто радость от того, что она не одна в своей тоске.

В далёком Вальгриме, в главном зале Вороньей Крепости, король Тормунд обсуждал предстоящую поездку принца Каэлена.

– Пусть южане увидят наконец, что такое настоящая честь Вальгрима! – громко произнёс Тормунд, ударив кулаком по подлокотнику. – Каэлен поедет не с пустыми руками, а с нашей гордостью! Я отправлю с ним лучших воинов клана Горных Орлов, чтобы они показали этим... поэтам, как держать меч!

Сир Гаррик, стоявший у трона, медленно кивнул.

– Верно, – ответил он твёрдо. – Принц покажет им силу севера. А если кто-то из этих южных выскочек попробует его оскорбить... я лично объясню им правила хорошего тона.

Он похлопал по рукояти меча, и несколько воинов одобрительно хмыкнули.

Мастер Орик сидел чуть поодаль, перебирая какие-то бумаги – редкое зрелище в Вальгриме, где письменность не жаловали.

– Надеюсь, он не поддастся их шёлкам и улыбкам, – проворчал Орик. Голос его был низким, полным недоверия. – Они умеют плести сети из слов. Я читал отчёты наших купцов – они могут обвести вокруг пальца кого угодно. Принц должен быть настороже.

Он поднял глаза на Тормунда и добавил:

– Особенно эта их принцесса. Говорят, она умна не по годам и получила лучшее образование в их Академии. Она будет пытаться манипулировать им, использовать его чувства. Каэлен к такому не готов – он привык к честным поединкам, а не к словесным играм.

– Ты сомневаешься в моём сыне, Орик? – нахмурившись, спросил Тормунд.

– Я сомневаюсь в южанах, – твёрдо ответил старый советник. – А это разные вещи. Но предупредить его я обязан.

Но для Элеанор эта ночь стала настоящим моментом откровения, когда все эмоции смешались в один вихрь: тревога от давления отца, которое нарастало с каждым разговором, романтическая надежда, теплящаяся в тайно написанных стихах, спрятанных под подушкой, и неумолимое давление короны, которое она носила, но с растущей усталостью, въедающейся в самую душу день за днём.

Глава 3: Северный ветер

На балконе королевской ложи стояла принцесса Элеанор. Она держала в руках веер, но не обмахивалась им – стояла неподвижно, глядя вниз с балкона, где уже слышался тяжёлый топот копыт и нарастающий звон металла. Рядом находилась королева Изабелла в тёмно-изумрудном платье – с каменным лицом, но с лёгкой тревогой в глазах, которую скрывала лишь привычка к самообладанию. Король Аларик, в парадном мундире с золотыми эполетами, стоял чуть позади. Леди Софи, в розовом платье с кружевным зонтиком, нервно теребила край ткани, переминаясь с ноги на ногу.

Лорд-канцлер Годфри, в своём неизменном чёрном камзоле, с пером и свитком в руках, сутился у перил, громко бормоча, чтобы перекрыть шум:

– Всё должно быть идеально, без единой ошибки! – воскликнул он, размахивая пером. – Расстояние между рядами – ровно три шага, ни дюйма меньше!

Внизу, на широкой аллее, вымощенной белым мрамором и усыпанной лепестками роз, уже показалась делегация Вальгрима, въезжающая с размеренной мощью. Они двигались не как гости, а как завоеватели, решившие не поднимать мечи, но и не скрывать своей силы, от которой воздух казался тяжелее. Впереди восседал король Тормунд – в чёрных доспехах, без единого украшения, кроме стального медведя на груди.

Его громовой голос разносился над площадью, перекрывая плеск фонтанов и гул толпы:

– Вперёд, сыны севера! – воскликнул он, поднимая кулак в стальной перчатке. – Покажем южанам, что такое настоящая честь, выкованная в снегах и крови!

За ним следовал принц Каэлен Родриг Вальгрим, наследник Стального Трона. Высокий, выше всех спутников на голову, с длинными тёмными волосами, собранными в тугий хвост на затылке. Доспехи его были практичны: чёрная кожа, усиленная стальными пластинами, без драгоценностей, и прочего. Он ехал на вороном жеребце, который громко фыркал, бил копытом по мрамору и мотал головой, чувствуя напряжение хозяина в каждом мускуле. *«Слишком ярко, — думал Каэлен, щурясь от солнца. — Как они здесь не сходят с ума от этой пестроты? И эта толпа... глазают, как на диковинных зверей. Интересно, что они видят, когда смотрят на нас? Варваров? Чудовищ?»*

Рядом с принцем ехал сир Гаррик – в кольчуге, с топором за спиной, рукоять которого торчала над плечом. Он вертел головой, не скрывая детского восторга.

– Смотри, Орик, какие тут цветочки! – воскликнул он, показывая рукой на клумбы с алыми маками. – У нас такие только в теплицах растут, да и то вянут быстро!

Мастер Орик, ехавший в арьергарде, едва касался стремянами мрамора. Серый плащ из грубой шерсти колыхался, а взгляд скользил по каждой золотой розе на стенах.

– Цветочки... Южные штучки, – проворчал он, качая головой. – Главное, чтобы принц не забывал, зачем мы здесь.

Рыцари Элизиума, в белых плащах с золотой вышивкой розы – символа королевского дома, – стояли неподвижно вдоль аллеи, но лица их были напряжены. Один из них, молодой лейтенант с тонкими усиками, наклонился к соседу и прошептал, не отрывая взгляда от северян:

– Они выглядят так, будто на войну пришли, а не на переговоры, – сказал он. – Посмотри на их топоры...

– А ты на их коней посмотри, – ответил второй, постарше, с шрамом на щеке. – Это же звери, а не лошади. Такой копытом ударит – и прости-прощай, белый плащ.

Первый нервно сглотнул и поправил плащ:

– Боги, зачем мы согласились на этот союз?

Второй усмехнулся невесело:

– Затем, что выбора нет. Империя на востоке не дремлет. Лучше эти медведи, чем те... змеи.

А в это время на балконе королевской ложи, где воздух дрожал от жары и ароматов, герцог Джулиан д'Анже подошёл к Элеанор с изящным поклоном. Его голос прозвучал мягко, обволакивающе, с ноткой восхищения, которое он не скрывал ни от кого.

– Ваше высочество, – произнёс он, и нежно взяв её руку, поднимая к губам и целуя пальцы с лёгким, почти трепетным прикосновением. – Вы сегодня воплощаете само лето во всей его красе и великолепии. Даже солнце, заливающее Элизиум, кажется бледнее рядом с вашим сиянием, которое ослепляет всех вокруг.

Элеанор вежливо улыбнулась. Уголки её губ поднялись ровно настолько, чтобы не обидеть, но взгляд её оставался прикованным к аллее внизу, где движение набирало силу, а сердце уже билось чаще от предчувствия.

– Благодарю вас, герцог, – ответила она тихо. – Но сегодня не время для комплиментов, когда дело касается будущего королевства.

Джулиан не отступил ни на шаг. Его пальцы задержались на её руке чуть дольше положенного, а голос стал ниже, полный заботы и скрытой решимости, которую он старался показать только ей.

– Я вижу ваше волнение, принцесса, – продолжил он, наклоняясь ближе. – Оно читается в каждом движении, в каждом взгляде. Позвольте мне стоять рядом и защищать вас. Если этот северянин осмелится сказать хоть слово не по чину, хоть намёк на неуважение, я встану между вами, клянусь честью д'Анже. Я не позволю никому омрачить ваш день.

– Джулиан, хватит, – перебила его Софи резко, подойдя с другой стороны. Её платье колыхнулось от движения, а зонтик качнулся. – Смотрите. Они уже здесь.

Делегация плавно остановилась у подножия широкой лестницы, что вела к дворцу. Король Тормунд спрыгнул с коня первым, тяжёлые сапоги гулко ударили о мрамор, отозвавшись эхом по всей площади. Каэлен последовал за ним без промедления: его движения были точны, выверены, полны сдержанной, но осязаемой силы. Он медленно поднял голову – и в этот миг их взгляды с принцессой Элеанор встретились впервые, пронзив воздух острым, почти осязаемым напряжением.

Элеанор почувствовала, как сердце её резко сжалось в груди, дыхание перехватило. Его глаза прошили по ней с мгновенной, почти физической оценкой – без восхищения, без уважения, только презрение и скука в глубине. *«Грубый варвар, – подумала она, и пальцы её сжали веер так сильно, что перья затрещали под нажимом. – Он смотрит на меня как на бездельницу...»*

Каэлен увидел перед собой южную принцессу с золотыми волосами, голубыми глазами и платьем, которое стоило больше месячного дохода его королевства. *«Кукла, – подумал он твёрдо. – Красивая, но пустая. Ещё одна южная интриганка, уверенная, что мир крутится вокруг её улыбки».*

Король Аларик со своей семьёй и приближёнными тем временем уже спускались по центральной лестнице. Аларик подошёл к Тормунду, и два короля встретились взглядами.

– Добро пожаловать в Элизиум, король Тормунд и принц Каэлен! – провозгласил он, широко разводя руками в приветственном жесте. – Мы рады видеть вас в нашем доме, под нашим солнцем, в самом сердце нашего королевства! Надеюсь, дорога была не слишком утомительна?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.